

сован и который дает высокое понятие о религиозной ревности Саладина. В конце 584 года эгиры (то есть 1188 г., вскоре после взятия Иерусалима), когда мы овладели Каукабом и Саладин распустил свою армию, ему вздумалось посетить Аскалон и приморские места с целью занять их укреплением. Я сопровождал его на этом пути; дело было зимой; море, страшно волновалось, и, как говорится в Алкоране, “волны поднимались горой”. Я в первый раз тогда увидел море, вид его произвел на меня глубокое впечатление; я рассуждал с собой, что, если мне предложат целый мир, то и тогда я не соглашусь сделать даже одной мили по этой стихии; я был готов считать глупцами тех, которые за презренный кусок золота или серебра бесстрашно пускаются в море; одним словом, я склонялся в пользу мнения тех, которые думают, что человека можно объявить умалишенным уже за одно то, что он ввергает себя морю, и не принимать более его свидетельства в суде. Но когда я подошел к погруженным в такие мысли, султан обернулся ко мне и сказал: “Я хочу тебе сообщить то, что у меня лежит на душе. Если Аллах предаст в мои руки остальные христианские города, я разделю свое государство между детьми, дам им наставления, прощусь с ними и пушусь в это море для покорения островов и западных стран: я не положу оружия, пока останется хоть один неверный на земле, если только не буду остановлен смертью”. Эти слова поразили меня до того, что я, забыв мысли, занимавшие меня, сказал султану: “Поистине, нет на земле отваги, душевной славы и ревности к божественной религии, которые могли бы равняться с подобными же качествами султана. Доказательством храбрости его служит то, что его не останавливает несколько вид этого грозного моря; по отношению же религиозной ревности, султан, не довольствуясь изгнанием христиан из какой-нибудь части земли, как Палестины, стремится очистить от них всю землю”. Но, почувствовав снова страх, который мне сначала внушило море, я соединил: “План султана превосходен; но лучше было бы отправить одни войска, а

самому оставаться здесь, чтобы не подвергнуть жизнь опасности; ибо он защита исламизма и его единственная опора”. На это султан возразил: “По я тебя делаю судьей; скажи, какая смерть считается более славной?” Я отвечал, что без сомнения та, которой подвергаются ради Аллаха. “Итак, – прибавил султан, – я был прав, ища себе подобной смерти”. Смотрите, как тверда его воля, как чиста его душа. О Аллах, тебе известно, как он был ревностен для защиты религии; ты знаешь, с какой готовностью он жертвовал собой для тебя! И все это он делал в надежде заслужить твое милосердие: будь к нему милосерд!»

Итак, Саладин стремился ни к чему другому, как к покорению Франции, Италии и всего христианского мира. Пусть не думают, что слова, приведенные Боэджином, были простой угрозой; мы находим те же идеи в ответе Саладина на одно письмо к нему от императора Фридриха Барбароссы (см. о том выше). Все окружавшие Саладина и пользовавшиеся его доверием были заняты той же мыслью. Каждый раз, когда Боэджин говорил о каком-нибудь городе и стране христианской, он всегда заключал словами: «Да попустит нас Аллах скорее овладеть тем!» В этом отношении не было исключения даже для Константинополя, несмотря на то, что император Исаак Ангел был союзником Саладина...

Особенно замечательно при этом то обстоятельство, что ненависть Саладина к христианам продолжалась только до тех пор, пока они составляли независимую от него нацию. Но победив однажды христиан, он смотрел на них другими глазами. С коштами-христианами в Египте он обращался весьма благосклонно. Еще до Саладина египетские христиане занимали все места по части финансов, раздела земель и т. п.; монастыри были многочисленны и богато наделены; фатимидские калифы не только терпели их, но и оказывали им большое покровительство. Им можно было доверять тем более, что все они были якобиты, то есть секты Евтихия, и непримиримые враги константинопольских греков и западных христиан. Потому в прежние времена они содействовали утверждению мусульман